

ШАГИ В БЕССМЕРТИЕ

К 40-летию разгрома немецко-фашистских захватчиков под Москвой народный театр клуба калужских железнодорожников поставил спектакль по пьесе М. Алигер «Сказка о Правде», посвященный подвигу Зои Космодемьянской (режиссер А. Сотник). Искренне и темпераментно, с предельным сопереживанием героине рассказали актеры народного театра историю, ставшую легендой.

Участники спектакля ездили в Петрицево. Побывали в избе, где провела свою последнюю ночь Зоя. Были на месте ее казни, у ее могилы, где шумят вековые сосны, а на ветвях кустарников, как пылающие огоньки, развешаются красные пионерские галстуки. Это галстуки тех, кто никогда не забудет свою старшую подругу. Наряду с драматургическим материалом эти впечатления и объясняют высокий эмоциональный накал спектакля.

Стихи Р. Рождественского «Реквием», вставленные в драматургическую ткань

пьесы, не разрушили, а наоборот, заострили ее, приблизив к нашим дням, приравняв спектаклю страстную антивоенную интонацию. Горячо и выразительно читает эти стихи актриса народного театра Э. Степина, призывая сидящих в зале всегда помнить о погибших героях, о великой цене победы.

Зоя играет актриса народного театра Ю. Пионтковская. С первого же появления на сцене она отмечает в героине высокую принципиальность, честность и верность слову, даже в малом. Из этих золотых крупинок нравственной человеческой красоты и прорастает подвиг Зои, шатнувшейся от школьной ларти в бессмертие.

Зоя в исполнении Пионтковской — живой человек. Она может испугаться темноты леса, и, оробев, позвать маму (очень сдержанно, с чувством меры ее роль играет В. Володина). Может быть упрямой и настойчивой в разговоре с секретарем МК ВЛКСМ Шепелевым (с искренним чувством создает

этот образ С. Фишер). Зоя, как и все люди, боится смерти и с надеждой, как бы утешивая себя, повторяет слова умирающего солдата (Ю. Милорадов): «Это совсем не страшно, потому что этому до конца не можешь поверить».

И тем более высоким кажется подвиг девочки, которая только что начала жить, которая еще не видела ни моря, ни Ленинграда. Несбывшиеся мечты Зои щемящей ногой пронизывают спектакль, заставляя нас с еще большей силой ненавидеть мрачную, тунную и жестокую силу, как бы воплощенную в массивной и неуклюжей фигуре немецкого солдата (А. Сотник), ведущего девушку на допрос.

Эмоциональный пафос спектакля, к сожалению, снижается в одной из самых напряженных его сцен — в избе. Здесь не найден нужный тон. Сказка о правде прозвучала невыразительно, а ведь в ней образное зерно спектакля. Старушка в исполнении С. Антуфьевой

слишком сердитая. Странно слышать, как она жестко бросает в сторону Зои слова о том, что муки девушки еще не кончены, что впереди ее ждут испытания еще страшнее. Понятно, что «сердитость» старушки от ненависти к врагам. Но было бы вернее, если бы слова о предстоящих муках Зои она обращала не к ней, а к самой себе, как тяжелое раздумье вслух.

Пионтковская очень трепетно показывает и первую любовь Зои к Борису. Просто, естественно, т. е. органично, ведет себя на сцене А. Парошин. Это очень подкупает. Но ведь естественность поведения — это только азбука актерского мастерства. От нее нужно сделать шаг к созданию образа. Ярко индивидуализированных образов пока ни у А. Парошина, ни у В. Фишера, играющего Алешу, не получилось, несмотря на все их обаяние.

Интересный образ, чуть освещенный юмором, создает Э. Степина, которая игра-

ет в спектакле две ни в чем не схожие роли: строгую вдохновенную Ведущую и смешную, милую девочку Клаву, которая первая из друзей Зои пошла на фронт.

Выразительна музыка, подобранная к спектаклю. Песня Мурадели «Россия — Родина моя», воспевающая красоту родных просторов, создает эмоциональный контраст с теми ужасами, которые происходят на войне, еще более усиливая антивоенную мысль спектакля.

Оформление спектакля строго и лаконично (сценография С. Фишера по мотивам художника С. Красаускаса): на сцене планшеты, на которых изображены погибший солдат, а над ним летящие журавли, в порыве отчаяния склонившаяся фигура женщины. Все выдержано в черно-белых тонах. Оформление не участвует в спектакле, не обыгрывается актерами, но создает величаво-скорбный тон для сценического действия.

В наши дни, когда за рубежом нагнетается гонка вооружений, когда лелеются планы новой мировой войны, спектакль о Зое, пронизанный антивоенным пафосом, звучит остро и современно.

И. ПАВЛОВА.

ЗНАМЯ
Калужского

11 ЛЕК 1981